

30

ЖЫЛ
ЛЕҒУСПЕХА
YEARS OF LEADERSHIP

6

Бағызбаева оқулары
Бағызбаевские чтения

«ЗАМАНАҒИ ФИЛОЛОГИЯ
ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫ МЕН БОЛА

«СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСО

ли комплекс, вокруг которого группируются контекстуальные синонимические им единицы, слова, ассоциативно с ними связанные, повтор которых в том или ином контексте, как правило, не случаен.

ую, *В казахских песнях – степная широта, В домбре певучей – бешеная скачка. Что в голосе твоём, усть моя степнячка? Так упоительно поют твои уста. Ручьём хрустальным звонкий голос льётся, аруну! Певучей птицей реет в небесах. Им очарованный застыл в седле казах, Лишь сердце гулко и тревожно бьётся* [7, 147].

вые для Таким образом, ключевые слова, базирующиеся на повторе, составляют семантическую дновлении доминанту текста. В русскоязычных текстах, связанных с музыкальной тематикой, обычно в роли приятия. В ключевых элементах выступают лексические номинации концептов, выступающих в роли ты, наиболее ключевых элементов выступают лексические номинации концептов, выступающих в роли «ключевые лингвокультурных констант.

а», опорные ежде всего в

позволяют я:

ния. Так, поэт усском языке а выступает с

звук. Домбра салуется. Он о песню. Пой,

тым текстом. ста, ключом к дии заглавия.

заголовок – в онцепт домбра ю стыкуясь с

. Ты домбра, а, не узнаешь ювь домбру в

огического и эстетического

оотносении и раскрывает

и поэту, его ня Казахстан

оветы, кобы

(6, 240)

слово, ре

ни, ре

и, ре

Литература

1. Зинченко В.Г. Словарь по межкультурной коммуникации: Память и персоналии. – М.: Наука, 2010. – 136 с.
2. Канапьянов Б. Векзамеры: стихи. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2003. – 192 с.
3. Николаева Н.А. Филологический анализ текста. – М.: 2008. – 272 с.
4. Канапьянов Б. Каникулы кочевья. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2003. – 320 с.
5. Винокуров Е. Степные ритмы. – Алма-Ата: Жазушы. 1979. – 184 с.
6. Канапьянов Б. Весы. Этюды, очерки, статьи. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2008. – 360 с.
7. Тамендаров Ф. Зеркало на ладони. Стихи. – Алматы, «Аруна», 2005. – 192 с.

Жаппаркулова К.Н.

магистрант I курса КазНУ имени Аль-Фараби

г. Алматы

научный руководитель к.ф.н., доцент КазНУ им. аль-Фараби

Бектурганова Г.З.

Вклад Абая в развитие русско-казахских культурных и литературно-художественных связей

В современном казахском литературоведении проблемы взаимосвязи русской и казахской литературы и культуры чаще всего рассматриваются на материале творчества Абая и других писателей, поэтов и мыслителей XIX-XX веков. Кроме того, отмечается влияние поэзии М.Ю. Лермонтова, И.А. Крылова и других русских классиков. Например, в монографии «Эстетический идеал и поэзия Абая»[1] С.В. Ананьева пишет о том, что настала пора пристального изучения творческого наследия Абая Кунанбаева с точки зрения поэтики и эстетики. В процессе изучения и осмысления над творчеством Абая Кунанбаева автором монографии были сделаны интересные выводы.

Высшей формой эстетического у Абая является художественное творчество, так как только в нем реализуется его воля, так как только в искусстве происходит полное слияние реального и идеального; объективно существующая гармония мира диалектически связывается с личностью поэта, с эмоциональной оценкой, с эстетическим идеалом.

У Абая Кунанбаева эстетический идеал – это не есть какой-то один законченный акт творчества, он есть конкретно-исторический, социально обусловленный процесс непрерывного познания и приближения к исторической и духовной истине.

Источником прекрасного Абай Кунанбаев считал жизнь. Он не оставил после себя научных трудов об искусстве, однако, опираясь на художественные тексты его произведений, можно сделать вывод о том, что Абай Кунанбаев считал человека венцом природы и прекрасного в ней.

Созданный природой человек подчиняется ее законам. Физическое начало обуславливается природой. Более того, само прекрасное в человеке – его интеллект, благодаря которому он владеет способностями самознания, силой воли, силой разума, силой воображения. Для Абая Кунанбаева реальная красота – это прекрасное – в природе. Она служит беспрестанно объектом познания.

Абаявская триада. Любовь – сущность гуманизма, его цель. Добро – внутреннее содержание красоты. Красота – всеохватывающая форма прекрасного, вместе с тем она есть выражение как внутреннего, так и внешних достоинств человека. Добро всегда красиво, всегда красива любовь, а красота – тем все – прекрасно.

5. Абай Кунанбаев противопоставляет характер физический – душе, но противопоставляет их не как категории, не зависящие друг от друга (дух и материя), а как имеющие свои особые законы: физическое непосредственно зависит от психического, духовное выражается в борьбе с природными склонностями или в подчинении им.

Казахская письменная литература стала интенсивно развиваться во второй половине девятнадцатого века под влиянием контактов и диалога с русской культурой. У истоков в ее современном виде стоят казахские просветители Шокан Уалиханов, Ибрай Алтынсарин и Абай Кунанбаев.

Абай Кунанбаев – основоположник казахской реалистической литературы, поборник дружбы с русским народом, поэт и мыслитель. Абай Кунанбаев (1845–1904) был продолжателем дела Ш.Уалиханова. Его творчество определило культурно-просветительское движение конца XIX – начала XX вв., оказало огромное воздействие на последующее развитие казахского литературного языка.

А. Кунанбаев получил классическое восточное образование. В медресе имама Ахмет-Ризы он изучал арабский, персидский, другие восточные языки, знакомился с классической персидской литературой – Фирдоуси, Низами, Саади, Хафизом и др. Одновременно, нарушая запрет медресе, посещал русскую приходскую школу. В 28 лет отошел от выполнения административных функций главы рода, целиком отдавшись самообразованию. Абай пишет стихи, усиленно изучает русскую культуру, занимается в публичной библиотеке. Знакомство с русскими политическими ссыльными оказало сильное влияние на формирование прогрессивного мировоззрения поэта. Он переводит на казахский язык произведения А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, И.А.Крылова, зарубежных классиков, пишет казахские песни на слова отрывков из «Евгения Онегина».[5] Наиболее известна его элегия, положенная на музыку – «Карангы тунде тау калгып» – стихотворный перевод Лермонтова – «Ночной песни странника» Гете.

Литературное наследие Абая составляют стихи, поэмы, стихотворные переводы и переложения, прозаические «Назидания». Его поэзия отличается классической простотой и изяществом художественных приемов. Он вводит новые стихотворные формы – шестистишья и восьмистишья: «Из времени выпадает миг» (1896); «Разве не должен, мертвый, я глиной стать» (1898); «На воде, как челнок, луна» (1888); «Когда станет длиною тень» (1890) и др. Для его поэзии характерны глубокий философский смысл и гражданский пафос. В стихотворениях «О, казахи мои»; «Восьмистишья»; «Вот и старость» – есть строки «... Скорбны думы, чуток сон... Измучен, обманут я всеми вокруг...», и в них звучит критика феодальных устоев. В сборнике художественно-философской прозы «Гаклии» (Назидания) затронуты исторические, педагогические и правовые темы, призывает народ встать на путь культурного прогрессивного развития, упорного и честного труда. Широко известны стихи, посвященные временам года.

Начало XX в. стало периодом расцвета казахской литературы, впитавшей в себя черты казахской, восточной и европейской литератур. В это время закладываются основы современной казахской литературы, окончательно формируется литературный язык.

Непревзойденные переводы Абая из «Евгения Онегина» — замечательное явление в истории казахской литературы. Они навсегда останутся ярким свидетельством горячей любви казахского народа к творениям пушкинского гения, свидетельством горячей любви его к русской литературе и культуре. [2];[3]

К русской литературе Абай обратился во второй половине XIX в. Еще, будучи учеником мусульманского медресе, наперекор всем правилам духовной школы, Абай учился русскому языку. Учился для того, чтобы в подлиннике читать произведения русских писателей, поэтов и ученых. Абаю тогда было всего лишь 14 лет. Познакомившись с сочинениями Пушкина в эти годы, когда читать стихи удавалось ему с еще большим трудом, Абай всю жизнь не расставался с произведениями Пушкина. Поэзия любимого поэта служила опорой в идейно-художественных исканиях Абая. Тщательное изучение творческого опыта Пушкина способствовало формированию реализма в творчестве самого Абая, помогало создать новую поэтику, ввести новые размеры в казахскую литературу. Замечательные стихи Абая о роли поэта и о значении поэзии, о четырех временах года и другие созданы на основе серьезного творческого изучения наследия Пушкина. Изучению и освоению творчества Пушкина способствовали и переводы из «Евгения Онегина». Мастерски передавая на казахский язык пушкинские поэтические образы и средства их языкового выражения, Абай обогащает казахскую литературу и расширяет возможности ее художественной формы, вносит в казахскую литературу новые элементы реализма. Абай приступил к переводам «Евгения Онегина» в то время, когда передовая часть казахского народа тянулась к русской культуре

и литературе. К переводам произведения Пушкина Абай приступил в то время, когда казах-читатели степной газеты писали: «Мы любим стихи, отчего редакция газеты не знакомит нас с переводами русских поэтов?... Желательно было видеть на страницах «Особых прибавлений к АОВ» (Акмолинские Областные ведомости.) статьи, знакомящие киргизов с русской литературой и историей» [4]. Этим большим интересом и любовью к русской литературе объясняется то, что переводы Абая из «Евгения Онегина» уже в 1889 г. стали широко известными по всей Казахской степи. Абай приступил к переводам произведений Пушкина и других русских поэтов с полным пониманием всего того огромного значения, которое имеет такая работа. Из «Евгения Онегина» Пушкина Абай перевел на казахский язык всего семь отрывков: 1) Портрет Онегина; 2) Письмо Татьяны. 3) Ответ Онегина (так назван у Абая монолог Онегина в деревенском саду). 4) Второй вариант этого перевода. 5) Письмо Онегина к Татьяне; 6) Письмо Татьяны, т.е. монолог Татьяны в Петербурге; 7) Монолог Ленского (отрывок). Кроме того, Абай создал еще одну песню, которая называется «Предсмертное слово Онегина».

Пушкин предвидел недоуменную реакцию отечественных читателей на письмо Татьяны, осмелившейся первой признаться в любви. Поэтому он тщательно готовил должное восприятие несветского поступка героини: «Душа ждала кого-нибудь, / И дождалась!»

Воображаясь героиней
Своих возлюбленных творцов,
Кларисой, Юлией, Дельфиной,
Татьяна в тишине лесов
Одна с опасной книгой бродит,
Она в ней ищет и находит
Свой тайный жар, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхает и, себе присвоя
Чужой восторг, чужую грусть,
В забвенье шепчет наизусть
Письмо для милого героя...

(VI, 55)

И письмо, как мы помним, Татьяна (русская душою!) пишет по-французски, а автор вынужден давать

Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный,
Или разыгранный Фрейшиц
Перстами робких учениц.

(VI, 65)

Следовательно, перелагая по-казахски письмо Татьяны, Абай усугубляет сложность процесса взаимодействия разных культур. Он, конечно, оставляет за строкой упоминание об иноязычном тексте письма, но несомненно знает об этом, не видя, однако, в поступке своей героини ничего необычного. Разве в лирическом восточном эпосе девушка – только пассивный предмет поклонения? Разве она не умеет бороться за свое счастье, за счастье своего любимого?

При первом знакомстве с Татьяной Онегин удивлен, что его друг, поэт и мечтатель, увлечен не ею, а Ольгой. Читатель романа мог удивиться и тому, что Ленский оставил героиню равнодушной. Вероятно, в Онегине безошибочным чувством она угадала подлинное страдание, бесприютность, неприкаянность, которые требовали защиты. Об этом, пытаясь разобраться в своем чувстве, она напишет в письме:

Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?

(YI. 67)

И чувство это не могло быть не усилено признанием Онегина, в ответ на письмо:

Скажу без блесков мадригальных:
Нашед мой прежний идеал,
Я верно б вас одну избрал

В подруги дней моих печальных,
Всего прекрасного залог,
И был бы счастлив... сколько мог!
Но я не создан для блаженства...

(VI. 78)

Чутким сердцем Татьяна и здесь угадала, за наигрышем и аффектацией, искреннее страдание, которое взывает к защите. Все это в полной мере сохранено в абаевском переводе.

Поэзия Абая – это страстное отношение к жизни. Каждое его произведение, каждая его строка пронизаны любовью к человеку, ценность которого он видел прежде всего в единстве помыслов и деяний. Поэт стремился всем характером своего творчества отобразить во всей жизненной полноте внутренний мир человека, так как в его понимании человек – венец природы. Абай Кунанбаев был выразителем помыслов и светлых надежд народа на лучшую долю, воплощенных им в художественных образах, которые в стремительном беге времени не только не погибли, но и сегодня, в наши дни обрели неповторимую прелесть.

Литература

1. Ананьева С.В. Казахская Пушкиниана.- Алматы: ИД «Жибек жолы», 2009.
2. Алексеев М.П. «Евгений Онегин» на языках мира: Мастерство перевода.-М., 1965.-С. 273-286
3. Алексеев М.П. Пушкин и мировая литература. -Л., 1987. – С. 358.
4. Творчество Пушкина и зарубежный Восток.- М., 1991.
5. Пушкин А.С. Таңдамалы шығармалар. Екі томдық. – Алматы, 1975. – С. 216-232.

Жанакowa И.М.

магистрант 2 курса *КазНУ им. аль-Фараби*

г. Алматы

научный руководитель к.ф.н., доцент КазНУ им. аль-Фараби

Сарсекеева Н.К.

Жанровые особенности романов Н.Веровочкина

Как отмечает авторитетный казахстанский исследователь, «несмотря на сетования казахстанских критиков о кризисе романного жанра в последние годы, этот жанр занимает доминирующее место в нашем литературном процессе. Хотя надо признать, что современные романские тексты стали иными, новаторскими с точки зрения стиля, с усложненной формой письма (поток сознания, повествовательной многослойностью, активными контекстами и подтекстами). Но их авторов объединяет желание честно и интересно рассказать о жизни, о знакомой нам, современникам писателя, общей жизни, а, значит, и о смысле человеческой жизни вообще» [1, 1].

Удивительно точно подмечено Г.Косиковым, что «от понимания жанровой природы романа нередко зависит образ мирового историко-литературного процесса, который у нас складывается» [2, 49]. Некоторые исследователи полагают, что жанр романа возникает в Европе лишь с началом Нового времени, и потому, говоря о «греческом романе» или о «средневековом романе», предпочитают заключать эти выражения в оговорочные кавычки [3, 68]. Часть исследователей ведут историю жанра от эпохи Возрождения, от плутовских повествований, считая, что «рыцарский роман» на деле является вовсе не романом, а формой рыцарского эпоса [4, 102].

По мнению исследователя П.А.Гринцера, «третьи, напротив, убеждены не только в существовании античного и средневекового европейского романа, но и в наличии сходных по структуре произведений на средневековом Востоке – от персоязычных стран до Японии» [5, 69]. Но и «среди сторонников "восточного романа" также нет полного единства» [2, 53].

Гегель, как известно, определил романическую коллизию как «конфликт между поэзией сердца и противостоящей ей прозой житейских отношений» [6, 475]. Следуя за ним, исследователи Г.Н. Пospelов, Е.М. Мелетинский, А.Д. Михайлов, П.А. Гринцер считают, что суть романа – в его ориентации на изображение «атомизированной», «эмансипированной» ... личности, находящейся в разладе с «окружающей средой с ее нормами и требованиями» – [6, 475].

Некоторые исследователи акцентируют внимание на развитии внутреннего мира романного героя, об изменении его характера и самосознания, об интересе романа к «возможностям собственного нравственного и умственного развития личности, становлению ее характера... в столкновении с авторитарными нормами и представлениями старого мира, каким бы он ни был» [7, 196].